

Д. Банасяк

ORCID: 0000-0001-8087-8187

Лодзь, Польша

E-mail: daniel.banasiak@uni.lodz.pl

УДК 821.161.1-1 (Андреев Д.)

DOI 10.26170/ufv19-03-11

ПАНТЕОН ПРАВЕДНИКОВ И ГЕНИЕВ РУССКОЙ ИСТОРИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА (ПОЭМА «РУССКИЕ БОГИ»)

Аннотация. Даниил Леонидович Андреев в поэме *Русские боги* выступает в функции поэта-философа, поэта-летописца. Он возлагает на себя обязанности летописца нового времени, который, в отличие от древних хроникеров, не просто описывает те или иные исторические факты, события, лица, но поэтически «прозревает», предвидит, пророчествует, выявляет свою позицию, анализирует и поясняет. В одиннадцатой главе *Русских богов* названной *Святорусские духи* поэт обращает внимание на то, что в ней представлены святые русские (православные) духи. Глава организована в цикл семи стихотворений и одного триптиха, написанных в разные годы (1950-1955). Среди заслуженных для России в поэтических текстах находим Владимира Великого, Александра Невского, князя Олега, Владимира Мономаха, Кузьму Минина, Дмитрия Донского, Петра I – по определению поэта они родомыслы. В стихотворении *Гении* упомянуты творцы русского искусства в разных его сферах – живописец и архитектор, автор проекта храма Христа Спасителя в Москве Александр Витберг; художники Александр Иванов, Михаил Врубель, Иван Крамской; музыкант и композитор Александр Бородин; писатель Лев Толстой. В статье использован интертекстуальный метод анализа текстов.

Ключевые слова: боги, история России, праведники, гении, художники, летописцы, поэмы, литературные сюжеты, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество.

D. Banasiak

Lodz, Poland

PANTHEON OF SAINTS AND GENIUSES OF RUSSIAN HISTORY IN DANIIL ANDREEV'S POETIC WORLD (POEM "RUSSIAN GODS")

Abstract. Daniil Leonidovich Andreev in the poem "Russian gods" acts as a poet-philosopher, poet-chronicler. He assumes the duties of a chronicler of modern times, which, unlike the ancient chroniclers, not just describes certain historical facts, events, persons, but poetically "sees through", foresees, prophesies, reveals its position, analyzes and explains. In the eleventh Chapter of The Russian gods called the Holy Russian spirits poet draws attention to the fact that it presents the Holy Russian (Orthodox) spirits. The Chapter is organized in a cycle of seven poems and one triptych, written in different years (1950-1955). Among the honored Russia in the poetic texts we find Vladimir, Alexander Nevsky, Prince Oleg, Vladimir Monomakh, Kuzma Minin, Dmitry Donskoy, Peter I – definition of the poet they rodomysl. In the poem referred to the Genius creators of Russian art in its different spheres – the painter, the architect, the author of the project of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow Alexander Vitberg; artists, Alexander Ivanov, Mikhail Vrubel, Ivan Kramskoy; musician, composer Alexander Borodin; the writer Leo Tolstoy. The article uses the intertextual method of text analysis.

Keywords: gods, history of Russia, the righteous, geniuses, artists, chroniclers, poems, literary plots, Russian poetry, Russian poets, poetic creativity.

Даниил Леонидович Андреев (1906-1959) поэт, автор *Розы мира*, старался осмыслить историю России в поэтической форме в поэме *Русские боги* (1955, опубли. в 1993).

В эпоху Средневековья множество монахов-летописцев и переписчиков трудилось в монастырских кельях, запечатлевая легенды, предания, исторические события и лица на память веков. Их имена, как правило, оставались неизвестными: «Не узнаешь о смиренном имени, / Не найдешь следов в календаре, / Только вспомнишь стих о вещем Пимене / В хмуром Чудовом монастыре» [Андреев 2006а: 271]. Поэт упоминает в данном случае о собирательном образе подвижника-летописца, черноризца московского Чудова монастыря Пимена, посвятившего свою жизнь переписке старых и составлению новых хроник. Образ этот был создан Александром Пушкиным в известной трагедии *Борис Годунов*. Упоминание о Пимене дает основания полагать, что и сам Андреев возлагает на себя обязанности летописца нового времени, который, в отличие от древних хроникеров, не просто описывает те или иные исторические факты, события, лица, но поэтически «прозревает», предвидит, пророчествует, выявляет свою позицию, анализирует, поясняет и проч. Ввиду того, что в поэме активизирована роль по-

эта-летописца, стоит хотя бы бегло обрисовать его черты. Летописец нового времени обращается к читателю и видит в нем своего единомышленника (эта позиция сближает его с поэтами-символистами, которые намеренно рассчитывали на со-творчество со своими читателями), отсюда характерные обращения и авторское «мы»: «Друг, в дорогу! Осторожно тронем-ка / Ток столетий чашею стиха, / Зачерпнем духовную струю» [Андреев 2006а: 273]. Благодаря творческому мистическому дару поэт наделяется способностью созерцать метаисторию, борьбу сил добра и зла: «Пусть не знает зоркая история / Тайн глубинных страшного царя: / Понял их во внутреннем притворе я, / С многокрылым Гостем говоря» [Андреев 2006а: 273]. Андреев наделяет также своего поэта-метаисторика способностями понимать «сущность протекших дней». Обычный историк, по его мнению, не способен «подняться» над фактами, а их недостаточность нередко ведет его к ошибочным умозаключениям (отсюда ироническое замечание автора: «О, я знаю похвалу историка» [Андреев 2006а: 281]. Не удовлетворяет нового летописца и трогательная сентиментальность простодушного лирика-повествователя: «Пусть другие о столетьях канувших / Повествуют с мерной простотой, / Или песней, трогающей за душу, / Намекнут о жизни прожитой» [Андреев 2006а: 281]. Как видно, подчеркивается избранный, предназначенность нового летописца особо познать мир и человека: «Мое знание сказке уподоблено / И недоказуемо, как миф; / Что в веках случайно и раздроблено, / Слито здесь в один иероглиф. / Хочешь – верь, а хочешь – навсегда / Эту книгу жгучую отбрось» [Андреев 2006а: 281].

Поэт-летописец предупреждает, что ему присуще поэтическое знание, которое опирается на образность, символизацию, поэтому не всеми читателями его исторические «прозрения» могут быть восприняты позитивно (но поэт и не ищет всеобщего признания). Поэтическое начало, пронизывающее все повествование, допускает «сказки» и «мифы», которые нужны автору не для «украшения слога», а для более глубокого проникновения в «корни истории».

Одиннадцатая глава поэмы под заглавием *Святорусские духи* организована в цикл из семи стихотворений и одного триптиха, написанных в разные годы (1950-1955). Дух, согласно словарю В. И. Даля, «бестелесное существо: обитатель не вещественного, а существенного мира; бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремленье к небесному» [Даль 1978: 1, 503]. *Святорусские духи* – это высшие формы русской духовности.

В первом стихотворении цикла *Синклиты* имеется автотекстуальность на уровне темы (названия). В эзотерическом учении Андрева, воплощенном в *Розе мира*, слово «синклит» означает посмертный собор выдающихся личностей (сущностей, духов) культуры, «сонмы просветленных человеческих душ, которые мистически участвуют в земной истории и создании Храма Солнца Мира в Высшем Кремле» [Андреев 2006b: 109-111, 115-118]. Живые «синклиты метакультур» сохраняют творческий духовный дар всех тех избранных – «светочей», которые когда-либо жили на земле: «Гении, / праведники, / вожди. / Так, обступая скорбную землю, (...) / Дышат / Синклиты / метакультуру» [Андреев 2006a: 253]. Вдохновенное «излучение» творчества, которое не знает ни пространственных, ни временных границ, испытывает на себе лирический герой – современный поэт: «И в тонком хладе вдохновенья / То излученье узнаю. / Оно струится от полотен» [Андреев 2006a: 253].

В цикле наиболее значимой темой выступает тема духовного творчества, понимаемого как наиважнейшая ценность человеческого бытия: «Творчество, / непредставимое здесь, / Тех, кто свой дар оправдал при жизни, / Став / многозвучным гимном / весь» [Андреев 2006a: 253]. Святые души гениев, праведников, вождей проникают в мир, в жизнь и быт современных поэту русских людей. В стихотворении *Родомыслы* поэт в качестве названия использовал слово, имеющее несколько значений, которые намечают дополнительные интертекстуальные связи и отношения. Родомысл является именем славянского бога мудрости и красноречия, покровителя законов, подателя добрых советов, попечителя рода. Родомысл – это также наименование исторического деятеля, оказавшего могучее и благотворное влияние на судьбы народа и государства. Согласно словарю В. И. Даля, родомысл – это «человек, чувствуемый как промысл или орудие промысла известного времени, века и поколения. Александр I прозван родомыслом своего века» [Даль 1980: 3, 453]. Сам Андреев наделял родомыслов сложными свойствами и функциями: на метафизическом уровне они вдохновлялись светлыми даймонами, их земное бытие оберегали добрые силы, но в то же время родомыслы вынуждены были брать на себя темное зло власти: «Бразды владычества лишь им поручены, / И судно царств / Они проводят через все излучины / Любых мытарств» [Андреев 2006a: 256]. Поэт называет родомыслами князя Владимира, Александра Невского, князя Олега, Владимира Мономаха, Кузьму Минина, Дмитрия Донского, Петра I. Он видит великие трудности в исполнении родомыслом своей роли в истории: «Дар родомысла страшен и светел: / Горе тому, / кто принял его [Андреев 2006a: 257]. За исключением Александра Невского и Кузьмы Минина, почти все родомыслы в той

или иной степени не выдерживали тяжести власти, которой они наделялись, поэтому предназначенный им путь часто изменялся, вплоть до полного искажения первоначальной функции. В результате, по мысли Андреева, жизнь родомыслов, теснейшим образом связанных с великодержавной государственностью, является метаисторической трагедией.

В стихотворении *Гении* упомянуты творцы русского искусства в разных его сферах – живописец, архитектор, автор проекта храма Христа Спасителя в Москве Александр Витберг; художники Александр Иванов, Михаил Врубель, Иван Крамской; музыкант, композитор Александр Бородин; писатель Лев Толстой. В данном случае, как и во многих других стихотворениях Андреева, активно используются имена собственные. Обратим внимание на то, что имя собственное выступает в тексте как особый маркер в проявлении интертекстуальности. В лингвистике используется понятие «интекст-цитатное имя», то есть «имя собственное, посредством которого осуществляется взаимодействие с одним текстом (подобно аллюзии) или с группой текстов (подобно реминисценции)» [Гаврикова 2012: 240]. Употребление таких имен «влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит» [Прохоров 2004: 154]. Имена реально существовавших исторических личностей выступают как семантически насыщенный «сгусток» действительности, закрепившейся в человеческом сознании. Такие «интексты» отсылают к существенным или переломным событиям истории. Ю. С. Гаврикова выделяет типы «именных» интертекстов, среди которых имена реальных исторических личностей, названия реальных географических мест. Исследовательница указывает также на тематику «именных» интертекстов – например, на политическую деятельность и исторические события [Гаврикова 2012: 141]. В стихотворении Андреева всех упомянутых автором деятелей русского искусства объединяет духовная устремленность в творчестве к «ангельской высоте» [Андреев 2006а: 258-259]. Отметим, что Андреев в большинстве случаев упоминает о творцах – создателях не просто значительных произведений искусства, но произведений, ставших русским духовным достоянием, обретших значение общенациональных символов. Творческие интенции, заданные в подлинных произведениях художников, продолжают свою жизнь в веках, определяя ментальность будущих поколений. Сила настоящего искусства в его боговдохновенности.

Компонентом главы является триптих под названием *Праведники прошлого*. Праведниками на Руси называли святых, которые жили и творили свой подвиг человеколюбия вне монастыря, исповедывали и соблюдали все заповеди Божьи. Как указывает В. И. Даль, «правед-

ный, оправданный житием, правдивый на деле, безгрешный» [Даль 1980: 3, 380]. В течение многих веков праведниками осуществлялось «делание высокосовестное», накапливался «духовидческий огненный опыт». Праведники посвящали себя неустанной молитве: «Они молились за многошумное / Племя, бушующее кругом, / За яростных ратников битв безумных, / за грады, разрушенные врагом...», «Они собирали до жгучей боли / В одно средоточье: / в духовный труд» [Андреев 2006а: 260]. Под *духовным трудом* понимается вера из дел, то есть дела, осуществляемые в истинной вере. Это те дела, в которых укрепляется и исповедуется христианин, это молитва, милостыня, терпение. Духовный труд способствует духовному росту не только отдельного человека, но и целой нации, всего народа. Усилия праведников всегда направлены были на братское единение всего народа в години тяжких испытаний, именно праведники лелеяли и спасали «Душу бурной страны» [Андреев 2006а: 262].

Заканчивается глава стихотворением, где доминирует оптимистическая тональность: «Все упование, все утешенье (...) / Знать, что над нами творят поколенья / Храм Солнца Мира / в Вышнем Кремле» [Андреев 2006а: 262] и далее: «В утро, когда из заоблачной сини / Дочь их сойдет, запредельно свята, – / О, не возлюбленная, не богиня – / Радость! / божественная красота» [Андреев 2006а: 262].

Андреев убежден в том, что высокие создания искусства, духовный труд многих поколений продолжают свою самостоятельную жизнь в человеческой истории и после земной смерти их творцов. Творчество продолжает благотворно воздействовать на мир. Участие всех ушедших поколений в творении Храма Солнца Мира приближает кульминационное событие мировой и русской истории – явление Звенты-Свентаны. Итак, *Святорусские духи* Даниила Андреева – это, прежде всего, «просветленные духовностью человеческие души», развившиеся в творчестве и навсегда вошедшие в культуру. Слава России, – подчеркивал поэт, – в ее творцах.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Д. Л. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Русский путь, 2006. Т. 1.

Андреев Д. Л. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Русский путь, 2006. Т. 3.

Гаврикова Ю. С. Интекст-цитатные имена как особый вид интертекстуальных маркеров в антиутопиях // Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 239-243.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в четырех томах. М. : Русский язык, 1978-1980. Т. 1-4.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М. : Флинта, Наука, 2004.

REFERENCES

Andreev D. L. Sbranie sochineniy : v 4 t. M. : Russkiy put', 2006. T. 1.

Andreev D. L. Sbranie sochineniy : v 4 t. M. : Russkiy put', 2006. T. 3.

Gavrikova Yu. S. Intekst-tsitatnye imena kak osobyi vid intertekstual'nykh markerov v antiutopiyakh // Gumanitarnye nauki. 2012. № 27. S. 239-243.

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v chetyrekh tomakh. M. : Russkiy yazyk, 1978-1980. T. 1-4.

Prokhorov Yu. E. Deystvitel'nost'. Tekst. Diskurs. M. : Flinta, Nauka, 2004.

Данные об авторе

Банасяк Даниэль – кандидат филологических наук, ассистент, Лодзинский университет, Лодзь, Польша.

E-mail: daniel.banasiak@uni.lodz.pl.

Author's information

Banasiak Daniel – Candidate of Philology, Assistant, University of Lodz (Łódź, Polska).